

М. М. Сафонов

Кровь Пушкина и на семействе Вяземских?

Дядюшкин сон

26 января 1837 г. во второй половине дня, около 5 часов пополудни в дом госпожи Влодек на Невском проспекте, 48, доставили письмо¹. Оно было адресовано Якобу Дерк Анне Борхардту барону ванн Геккерну де Беверваарду, полномочному посланнику Королевства Нидерланды². Написал письмо Александр Пушкин. Впрочем, едва ли Пушкин знал полное имя барона.

Около шести часов вечера следующего дня личный врач нидерландского посланника Карл Задлер уже перевязывал правую руку приемного сына Геккерна Дантеса³. Тот же доктор в начале седьмого часа обрабатывал смертельную рану Пушкина⁴. Когда врач осматривал ранение поэта, князь Петр Вяземский расположился в своем кабинете на Моховой и начал было сочинять очередное послание Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной. Легкое перо князя уже давно и настойчиво прокладывало путь к сердцу светской львицы. Но было одно существенное препятствие, которое изощренное остроумие Вяземского не могло преодолеть: графине нравились красавицы кавалергарды. Среди них было довольно много статных кавалеров, но самой импозантной фигурой оставался Дантес. Именно он стал самым модным мужчиной зимнего сезона 1836/1837 г. В кабинет внезапно вбежала жена, княгиня Вера Федоровна. Она принесла трагическую весть: Пушкин только что дрался на дуэли с Дантесом⁵. Было ли это сообщение неожиданным для князя? Впоследствии он стремился представить дело именно так.

В 1837 г. вышел седьмой том «Современника», уже без Пушкина. Вяземский рассказал в нем, что накануне дуэли 26 января на балу у графини Разумовской

он видел поэта в последний раз. Пушкин подошел к нему, попросив написать в Варшаву П. Б. Козловскому и напомнить об обещанной статье для журнала. «Принимая сие поручение, мог ли я предвидеть, что роковой жребий, постигший его на другой день, был уже непреложно отмечен в урне судьбы и что... несколько часов позже увижу Пушкина на одре смерти»⁶. Фраза Вяземского многозначительна. Прочитав ее, читатель «Современника» должен был заключить, что Пушкин не мог не погибнуть, раз смерть его была предназначена самой судьбой. Князь же о предстоящей дуэли даже и не догадывался. Так ли это?

В недатированном письме, написанном в Москву в феврале (не ранее 6-го числа), В. Ф. Вяземская сообщала, что ее дочь, Маша Валуева, утром в день дуэли, 27 января виделась с женой Дантеса Екатериной Геккерн, свояченицей Пушкина. Екатерина поведала нечто очень важное: муж сказал ей, что будет арестован. Валуева написала Екатерине и попросила разрешения навестить ее, если это случится. В половине седьмого в дом Вяземских, где жили и Валуевы, принесли записку от Екатерины Геккерн. Она сообщила, что «предчувствия оправдались». Дантес только что дрался с Пушкиным на дуэли. Рана Дантеса не опасна, но Пушкин ранен тяжело. «Поезжай утешить Натали», — рекомендовала Екатерина. Валуева порывалась отправиться на Мойку, но муж и родители не пустили: Мария ожидала ребенка, и вид крови ей был противопоказан. На Мойку отправилась княгиня Вера, оказавшаяся одной из первых, кто прибыл сюда в те вечерние часы, и не покидала квартиры поэта до последнего вздоха Пушкина⁷.

Итак, тревожный сигнал об угрожавшей Пушкину беде пришел в дом Вяземских утром 27 января. Но тревогу там не забыли. Впрочем, это было не первое предупреждение об опасности. В 1888 г. П. И. Бартенев, издатель «Русского архива», опубликовал записанные в разное время рассказы Петра и Веры Вяземских, с их разрешения⁸. В них очень интересные сведения, но неизвестно, кто рассказывал тот или иной эпизод — князь или княгиня. Имеется следующая запись: «Накануне дуэли был раут у графини Разумовской. Кто-то говорит Вяземскому: “Пойдите посмотрите, Пушкин о чем-то объясняется с д’Аршиаком; тут что-нибудь недоброе”. Вяземский направился к д’Аршиаку. Но у них разговор прекратился»⁹. Это не насторожило князя? Были и более весомые предупреждения. «Накануне дуэли вечером Пушкин явился на короткое время к княгине Вяземской, — записал Бартенев, — и сказал ей, что положение стало невыносимо и что он послал Геккерну вторичный вызов»¹⁰. В 1900 г., когда ни князя, ни княгини не было в живых, Бартенев обнародовал, что в 1875 г. в Хомбурге В. Ф. Вяземская рассказала ему любопытнейшую историю: «...вечером 26 января 1837 года в отсутствие князя пришел к ней на минуту Пушкин и сказал ей, что будет драться с Дантесом. У княгини сидели В. А. Перовский и М. Ю. Виельгорский. Втроем они долго совещались, как быть, и до глубокой ночи ждали возвращения князя Петра Андреевича, который засиделся у Карамзиных и на другое утро встал очень поздно»¹¹. Итак, Вяземский «проспал» беду из-за Карамзиных. Однако у них Вяземский засидеться не мог, потому что

Карамзины были на балу у Разумовских, да и сам князь находился там же¹². Как неловко княгиня пыталась объяснить, почему Вяземские не попытались предотвратить дуэль!

Сохранился другой рассказ об этом преддуэльном эпизоде. Видимо, Барте-нев записал его со слов князя. Иначе трудно объяснить, почему этот эпизод так разительно отличается от того, что рассказывала княгиня. Оказывается, днем 27 января Вяземский не спал, а бодрствовал: вместе с А. О. Ленским он прогуливался по Невскому и случайно встретил Геккерна. Тот вылез из саней и объяснил: он, дескать, загулялся, не заметил, как ушел очень далеко, вспомнил, что надо составить какую-то бумагу, потому пришлось нанять извозчика. Потом выяснилось, что Геккерн в своей карете поджидал, чем кончится дуэль на Черной речке. Он уступил раненому Пушкину свою карету, самому же пришлось добираться восвояси в санях¹³.

Выходит, если даже Вяземский спал до обеда, то после пробуждения от этого богатырского сна князю ничего не сказали о ночном визите Пушкина в их дом, и он не знал о предстоящем поединке. Впрочем, в этом «княжьем» варианте рассказа никакого ночного визита Пушкина не было, и Вяземские пребывали в полном неведении. В отличие от ноябрьской дуэльной истории, теперь Пушкин «молчал», и на этот раз никто из друзей его ничего не подозревал. «За день до поединка» Вяземский возвратился домой поздно вечером. Жена сказала ему, что надобно на время закрыть свой дом, потому что нельзя отказать ни Пушкину, ни Геккерну, а между тем в тот вечер они приезжали оба; Пушкин волновался и присутствие Геккерна было ему невыносимо¹⁴. Общее в этих взаимоисключающих рассказах супругов лишь то, что Вяземский ничего не знал о предстоящем поединке. Почему же князь оказался в неведении, и муж и жена рассказывали по-разному, но оба лгали?

Не должен показаться странным еще один, уже «совместный» супружеский рассказ, который наделал много шума и ввел в заблуждение пушкинистов. В феврале 1837 г. Вера Федоровна написала письмо в Москву некой «подруге». Возможно, этой подругой была Е. Н. Орлова (жена декабриста М. Ф. Орлова), как гласит об этом запись, сделанная неизвестной рукой на черновике письма. Письмо это было выправлено рукой Петра Андреевича¹⁵. Оно посвящено последним дням жизни Пушкина: «С понедельника 25-го числа, когда всё семейство провело у нас вечер¹⁶, мы были добычею самых живых мучений. Было бы вернее сказать вам, что мы находились в беспокойстве в продолжении двух месяцев, но это значило бы начать очень рано. Пушкин вечером, смотря на Жоржа Геккерна, сказал мне: “Что меня забавляет, так это то, что этот господин поселится, не предчувствуя, что ожидает его по возвращении домой!” — “Что же именно, — спросила я. — Вы ему написали?” Он мне сделал утвердительный знак и прибавил: “Его отцу”. — “Как, письмо уже отослано?” Он мне сделал еще знак. Я сказала: “Сегодня?” Он потер себе руки, повторяя головой те же знаки. “Неужели вы думаете об этом? — сказала я. — Мы надеялись, что всё уже

кончено”. Тогда он вскочил, говоря мне: “Разве вы принимаете меня за труса? Я вам уже сказал, что с молодым человеком мое дело было окончено, но с отцом — дело другое. Я вас предупредил, что мое мщение заставит заговорить свет”. Все ушли. Я удержала В[иельгорского] и сказала ему об отсылке письма. Мой муж возвратился в два часа утра, и я ему тоже сказала, но что делать? Невозможно было действовать»¹⁷.

Читая этот диалог, всецело выдуманный княгиней Верой, нельзя не заметить, что он сочинен так, что у читателя не должно остаться ни малейших сомнений в том, что Пушкин не только написал свое роковое письмо Геккерну, прежде чем прийти к Вяземским, но и отправил его до того, как появился в их салоне. Однако когда же все-таки он его написал?

Последний вторник после последнего понедельника

6 февраля 1837 г. Ж. Дантес показал Комиссии военного суда, что Геккерн получил оскорбительное письмо от Пушкина 26 января¹⁸. Он утверждал, что это письмо находится у императора. Комиссия обратилась к царю с просьбой ознакомиться с этим документом, и 10 февраля вице-канцлер К. В. Нессельроде представил подлинное письмо. Члены комиссии в тот же день слушали перевод пушкинского письма с французского языка, подготовленный для членов суда. Письмо было датировано 26 января¹⁹. В военно-судном деле осталась только его копия, выполненная начальником отделения Шмаковым²⁰. Подлинник 30 апреля 1837 г. был возвращен в канцелярию Военного министерства для передачи вице-канцлеру²¹. В настоящий момент местонахождение оригинала неизвестно. Высказывалось мнение, что при копировании письма могла быть допущена ошибка. Цифры 25 и 26 в скорописи якобы похожи, и переписчик вместо даты «25 января», стоявшей на подлиннике, по ошибке написал в копии «26 января»²². Однако следует иметь в виду, что члены суда держали в своих руках не только копию, но и подлинник с датой, проставленной рукой Пушкина. Трудно допустить, что они, как и писарь, неверно прочитали дату.

Есть и другие свидетельства, что письмо было не только получено, как свидетельствовал Дантес, но и написано 26 января. Так, 11 февраля секундانت Пушкина К. К. Данзас в показаниях комиссии назвал ту же дату²³. Излагая речь Пушкина во французском посольстве накануне поединка, Данзас заявил, что Пушкин «*написал* (курсив мой. — М. С.) 26 января письмо к нидерландскому посланнику». А. И. Тургенев послал в Москву свои «письма-репортажи» о ходе болезни Пушкина прямо из квартиры на Мойке. 28 января он сообщил сестре: «*3-го дня* (т. е. позавчера. — М. С.) *написал* (курсив мой. — М. С.) ругательное письмо к Геккерну-отцу»²⁴. Есть еще и свидетельство самого Геккерна. 30 января посланник сообщил министру иностранных дел Голландии барону Верстолку ван Сулену: «...прошлый вторник (сегодня у нас суббота), в ту минуту, когда мы собирались на обед к графу Строганову... я получил письмо от господина

Пушкина»²⁵. Свидетельство Геккерна важнее всех других: в словах барона есть указание не только на дату — 26 января, вторник, но и на время, когда письмо было получено, — перед обедом.

С. Л. Абрамович, автор наиболее популярной книги о предыстории дуэли, стремилась убедить читателя в том, что Пушкин написал свое письмо 25 января, а Геккерн получил его 26 января в первой половине дня с утренней почтой. Абрамович была уверена, что Пушкин воспользовался городской почтой, 25 января сдал письмо на приемный пункт, а 26-го его доставили Геккерну²⁶. Однако свидетельств того, что Пушкин послал свое письмо по почте, нет. Очень сомнительно, чтобы поэт воспользовался городской почтой, а не послал слугу с письмом или не отнес свою эпистола сам. Дело в том, что Пушкин прекрасно знал, что его письма перлюстрируются. Он был глубоко возмущен, когда еще в 1834 г. узнал о том, что его интимные письма жене читаются на почте, а выписки доставляются царю²⁷. Отсылая письмо Геккерну по почте, поэт должен был знать, что все обвинения в адрес посланника в тот же день станут известны властям. Сомнительно, чтобы Пушкин хотел защититься от инсинуаций Геккерна руками властей. Это был бы совсем не пушкинский поступок.

Если допустить, что таков и был замысел поэта (хотя мы допустить этого никак не можем), следует признать, что отправленное вечером 25 января письмо пришло бы в дом нидерландского посланника в 9 часов утра или в начале десятого, так как городскую почту начинали разносить в 8 часов²⁸. Но письмо пришло тогда, когда Геккерны собирались на обед. С. Л. Абрамович предусмотрительно опустила указание на предобеденное время²⁹. В противном случае рушилась реконструированная исследовательницей картина преддуэльных дней и часов.

Пушкин, как и большинство людей его круга, обедал во второй половине дня, около 6 часов. К. К. Данзас вспоминал, что, когда в 6 часов вечера он привез раненного поэта на Мойку, в его доме был накрыт стол³⁰. В. А. Жуковский недвусмысленно писал потом А. Х. Бенкендорфу, что Пушкин «был привезен в шесть часов после обеда домой»³¹. Если Геккерны получили письмо 26 января перед обедом, оно никак не могло быть отправлено 25 числа во второй половине дня.

Письмо Веры Федоровны, а точнее его черновик, было обнаружено в архиве Вяземских в 1931 г.³² Доверие ко всему, что исходило от семейства Вяземских, было так велико, что никто не усомнился в словах княгини. Пушкинисты пошли по ложному следу. Скорее они были готовы усомниться в искренности слов Пушкина. Мол, письмо он написал, но еще не отправил, случайно проговорился, но, чтобы создать впечатление неотвратимости сделанного шага, заявил, что уже отправил письмо, дескать, ничего уже не сделаешь³³. Между тем сознательная ложь Веры Федоровны — очень существенный факт. От пушкинистов укрылся важнейший эпизод дуэльной истории: Пушкин написал письмо Геккерну *после* проведенного у Вяземских вечера, т. е. либо в ночь с 25 на 26 января, либо в первой половине следующего дня. Именно это существеннейшее обстоятельство

и хотела утаить Вяземская в первые дни после дуэли. Она всем рассказывала, что Пушкин, прежде чем прийти к ним в салон, уже отправил свое письмо.

30 января С. Н. Карамзина повторила брату рассказанное В. Ф. Вяземской³⁴. То же самое записала и М. А. Горчакова³⁵. Впоследствии эту версию повторил сын Вяземских Павел Петрович³⁶. Но это была тщательно продуманная ложь княгини. Более всего постарался муж Веры Федоровны. Получив от Данзаса авторскую копию пушкинского письма (она была без даты, это и дало возможность для манипуляций), князь П. А. Вяземский переписал ее и озаглавил этот документ так: «Копия с собственноручной копии письма Пушкина к министру Геккерну (посланного ему, *вероятно, в понедельник 25 января 1837* (курсив мой. — М. С.))»³⁷. В письме к Денису Давыдову от 9 февраля Вяземский уже прямо, без всяких «вероятно», утверждал: «...отправил... письмо в понедельник 25 января»³⁸. Более того, князь составил дуэльный сборник и поместил в нем пушкинское письмо Геккерну без даты³⁹. Князь отправил этот сборник в Рим великому князю Михаилу Павловичу, брату царя. В письме, содержащем наиболее развернутую версию дуэльной истории, говорилось: «25 января он послал письмо Геккерну-отцу»⁴⁰.

Вяземский сознательно передергивал. Часть письма Михаилу Павловичу была написана рукой Веры Федоровны⁴¹. На ее же письме в Москву с описанием вечера 25 января есть пометки мужа⁴². Супруги старались не покладая рук. Как видим, не зря. 180 лет мы верили им. Что же хотели скрыть Вяземские? Видимо, вечером 25 января в их доме на Моховой разыгрался инцидент, который и послужил толчком к тому, что Пушкин написал Геккерну оскорбительное письмо. Вяземские хотели во что бы то ни стало утаить не только то, что им было известно, каков был этот инцидент, но и то, что он разыгрывался в их салоне. Становится понятным, почему они всячески затемняли события того вечера. Рассказы князя и княгини на этот счет путаны и противоречивы, сознательно смешиваются события двух вечеров: 25 и 26 января. Лейтмотив этих рассказов: не могли ничего сделать. Не могли или не хотели?

Упорство и почти нечеловеческая энергия, с которыми Вяземские делали всё, чтобы скрыть свою собственную роль в тех трагических событиях, не только настораживает. Невольно закрадывается подозрение в том, что она не так уж и мала. Но что это было, равнодушие или обыкновенная халатность? Или же нечто совсем иное?

Княгиня Вера и графиня Эмилия. «Такие женщины иногда рождаются, чтобы населять сумасшедшие дома»

«Вера Федоровна была... существо весьма необыкновенное, — вспоминал Ф. Ф. Вигель. — При неистощимой веселости ее нрава, никто не стал бы подозревать в ней глубоких чувствительности... Как другие любят выказывать ее,

так она ее прятала перед светом... Не было покалеченной судьбы, которая бы не произвела не только ее сочувствия, но и желания облегчить ее. Ко всему человечеству вообще была она сострадательна, а немилосердна только к нашему полу. Какая женщина не хочет нравиться, и я готов прибавить, какой мужчина? В ней это желание было сильнее, чем в других. Пленники красоты суть ее подданные. В молодости женский пол любит царствовать таким образом и долго не соглашается отказаться от престола, воздвигнутого страстями... Такого рода честолюбия вовсе не было в княгине Вере: все влюбленные казались ей смешны; страсти ею производимые, в глазах ее были не что иное как сочиненные ею комедии, которые перед ней разыгрывались и ее забавляли. Не служит ли это доказательством, что при добром ее сердце, то, что мы называем любовью, никогда не касалось ее? Если бы она могла понять ее мучения, то содрогнулась бы. Самым прекраснейшим из женщин одной красоты недостаточно, чтобы увлекать в свои сети; необходимы некоторые притворство, тонкости, уловки, одним словом, вся стратегия кокетства. От них она тем отличалась, что никогда не прибегала к подобным средствам, употребляя, если можно сказать, простые, естественные чары. Никого не поощряя, она частыми насмешками боле производила досаду в тех, коих имела привлекать к себе... Не будучи красавицей, она гораздо более их нравилась; немного старше мужа и сестер, она всех их казалась моложе. Небольшой рост, маленький нос, огненный, пронзительный взгляд, невыразимое пером выражение лица и грациозная непринужденность движений долго молодили ее. Смелым обхождением она никак не доходила на нынешних львиц; оно в ней казалось не наглостью, а остатком детской резвости. Чистый и громкий хохот ее в другой казался бы непристойным, а в ней восхищал; ибо она скрашивала и приправляла его умом, которым беспрестанно искрился разговор ее. Такие женщины рождаются иногда, чтобы населять сумасшедшие дома»⁴³.

В жизни Пушкина был целый ряд женщин, отношения с которыми довольно трудно определить одним словом. По возрасту они годились ему скорее в матери, и возлюбленными их никак назвать было нельзя. Но наименовать их отношения с Пушкиным дружбой — значило бы выразиться слишком слабо. Вера Федоровна Вяземская принадлежала к числу таких женщин. Вера Федоровна, и никто другой, оказалась в квартире раненого Пушкина и провела там две бессонные ночи рядом с кабинетом умирающего. Хотя свою близость с Пушкиным Вяземская старалась не афишировать. Она утверждала, что почти случайно оказалась в доме поэта: поехала туда «вместо» беременной дочери⁴⁴. Между тем Пушкина и Веру Федоровну связывали многолетние отношения. Поэт и княгиня сами нашли определение тому, что их связывало. Вера Федоровна называлась «приемной матерью», Пушкин же окрестил себя «приемным сыном» (Вяземская была почти на десять лет старше Александра Сергеевича). Княгиня Вера была интимной поверенной своего «приемного сына». В Одессе Вяземская была в курсе отношений Пушкина и Елизаветы Воронцовой, поэт

признавался «матери» в любви к Амалии Ризнич. Когда Пушкин был женихом, Вера Федоровна ездила к Н. И. Гончаровой, матери невесты, с просьбой поторопиться со свадьбой. Любопытно, что именно к Вяземской пришла Наталия Николаевна жаловаться на поведение мужа на второй день после венчания: проведя ночь с женою, поэт на следующее утро оставил ее одну в незнакомом ей доме на целый день, а сам проводил время с друзьями⁴⁵.

Из писем Пушкина к жене видно, что Вера Федоровна была в курсе сексуальных шалостей своего «приемного сына». Так, поэт иронично писал супруге: «Княгине Вере скажи, что она напрасно беспокоится о портрете Ф. Ф. Вигеля и что с этой стороны честное мое поведение выше всякого подозрения; но что из уважения к ее просьбе я поставил его портрет сзади всех других»⁴⁶. Вигель был известнейшим содомитом, и каждая беседа с ним, по признанию Пушкина, заканчивалась разговорами о мужеложестве⁴⁷. Очевидно, поэт в этом письме более чем прозрачно намекал жене, что «приемная мать» беспокоится о гомосексуальных играх «сына». Между «сыном», «матерью» и ее мужем — князем Вяземским существовал некий эдипов треугольник. Своеобразие этого треугольника состояло в том, что Эдипом ощущал себя скорее князь, чем Пушкин. Всё это вносило в «семью» Вяземских некую дисгармонию. Между Пушкиным и Вяземским, несмотря на то что их связывала многолетняя дружба и литературное сотрудничество, всегда существовало определенное отчуждение, не позволявшее взаимным отношениям быть вполне искренними. Вяземский всегда испытывал ревнивую досаду к «приемному сыну», хотя тщетно пытался это скрыть. Вот образчик «чувствований» князя, о которых не стеснялись рассказывать супруги: «Пушкин говаривал, что как скоро ему понравится женщина, то уходя или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит ее с собой, сажает в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будет толчок, одевает ей плечи, целует у нее руку и пр. Однажды княгиня Вяземская, посылая к нему слугу, велела спросить, с кем он в тот день уезжает. “Скажи, что сам-третьей”, — ответил Пушкин. Услыхав этот ответ, — третью, верно, ты, — заметил князь Вяземский своей жене»⁴⁸.

Пожалуй, Пушкин испытывал более сильное чувство к мужу своей «приемной матери». К этому «родственному» чувству примешивалось определенное раздражение от того, что Вяземский вел систематическую осаду самых великолепных светских красавиц, и Н. Н. Пушкина оказалась в их числе. «Пушкин не любил Вяземского, — вспоминали супруги Нащокины, — не выражал того явно, он видел в нем человека безнравственного, ему досадно было, что тот волочился за его женой, впрочем, волочился просто из привычки светского человека отдавать долг красавице. Напротив, Вяземскую Пушкин любил»⁴⁹. Когда Пушкин, умирая, прощался с друзьями, то Михаилу Виельгорскому он сказал, «что любит его», Вяземскому же — только: «Будь счастливым»⁵⁰.

Но едва ли князь мог быть счастлив. Несколько лет спустя после смерти Пушкина Вяземский писал Наталии Николаевне: «Вы мое солнце, мой воз-

дух, моя музыка, моя поэзия» или «Могу сказать только два слова, нет, три: я обожаю! нет, четыре: я вас обожаю по-прежнему»⁵¹. Но «солнце», «воздух», «музыка» и «поэзия» отвечала прозаично, во всяком случае совсем не так, как хотелось князю: «Не понимаю, чем заслужила я такого о себе дурного мнения, и не моя вина, если в голову вашу часто влезают неправдоподобные мысли, рожденные вашим романтическим воображением, но не имеющим никакой сущности»⁵². Вяземский настойчиво преследовал вдову Пушкина. Женщина с четырьмя детьми на руках часто не имела средств купить что-нибудь к чаю и была вынуждена думать о том, как устроить свою дальнейшую жизнь. А ей приходилось ставить на место князя с «романтическим воображением». Эти навязчивые ухаживания — далеко не самый изящный эпизод биографии Вяземского, подтверждающий, что Пушкин едва ли ошибался в оценке этого человека. Князь волочился при жизни поэта, стал настырней волочиться после его смерти. Но так же безуспешно. Впрочем, в момент катастрофы объектом пристального внимания Вяземского была другая женщина: соперница Наталии Николаевны по красоте Эмилия Карловна Мусина-Пушкина.

А. И. Тургенев, тоже устремлявший нежные взоры на графиню Эмилию, никак не мог решить, какая из Пушкиных прекрасней. 30 ноября он записал в дневнике: «Гр[афиня] Эмилия Пушкина. Как бледнеет перед ней другая Пушкина...»⁵³ Но уже через неделю Тургенев готов был отдать пальму первенства Наталии Николаевне. Рассказывая о службе в придворной церкви, Тургенев писал: «Я не знал, слушать или смотреть на Пушкину и ей подобных? подобных! но много ли их. Жена умного поэта и убранством затмевала всех»⁵⁴.

«Романтическое воображение» Вяземского проделало эволюцию в обратном направлении. На страницах дневника Тургенева имена графини Эмилии и князя Вяземского часто появляются вместе. 12 января 1837 г. Мусина-Пушкина уехала в Москву. Петр Андреевич засыпал ее письмами. 24 января Вяземский писал: «Чувства мои невозможно выразить словами. Это не фраза, это правда, которую исторгает мое сердце, исполненное преданности и симпатии к Вам, сердце, которое Вами дорожит и не может себе простить, что не знало или вернее не распознало раньше. Как горько я наказан за то, что поздно Вас открыл! Всё это очень банально, но я благословляю небо за эту банальность. Это чувство сожаления, возникающее при воспоминаниях о той, кою суждено было узнать в ее отсутствии, — неисчерпаемая сокровищница для сердца, способного любить. Ибо это отсутствие — не смерть любви, а, напротив, — новая жизнь. Всё это я растолкую Вам в другой раз, а сейчас вынужден заканчивать»⁵⁵. «Следующий раз» пришелся на 27 января, как раз на тот момент, когда княгиня Вера сообщила о смертельном ранении Пушкина.

Писать любовные письма Вяземский был мастер. Это, пожалуй, и всё, что можно сказать. Его пылкие признания находили отклик в сердце Эмилии Карловны не больше, чем потом у Наталии Николаевны. Вяземский даже пенял своей корреспондентке: «Вы дурно со мной обращаетесь, забываете меня,

равнодушны». Та же история повторилась потом и с Пушкиной⁵⁶. Письма Вяземского буквально пестрят насмешками над «красными» (кавалергарды носили красные мундиры). Князь изоощряет свое остроумие, чтобы представить «краснокожих» в нелепом виде. Колкая ирония надо всем, что окрашено в красный цвет, переходит все границы. Создается впечатление, что Вяземскому даже изменяет чувство меры, но, судя по тому, сколько сил тратит Вяземский на то, чтобы разрушить привязанность графини к кавалергардам, эта симпатия была довольно стойкой, если не непоколебимой. Вяземский тщательно фиксирует в своих письмах все промахи, неудачи кавалергардов, стремится представить их в как можно более нелепом виде. Создается впечатление, что любой скандал, связанный с кавалергардами, был как раз на руку князю.

Описывая светскую жизнь столицы в январе 1837 г., Вяземский обходит молчанием самую злободневную тему, которая была на устах во всех гостиных и салонах в это время: кавалергард Дантес и Пушкины. Казалось бы, «подвиги» кавалергарда, преследовавшего жену поэта, — чем не благодатная тема для князя? Но язвительный Вяземский как воды в рот набрал. Молчание князя красноречивее слов. Может быть, это сердечная деликатность по отношению к поэту, «приемному сыну» его жены? Вовсе нет. Вяземский не очень-то стеснялся в выражениях по адресу семьи поэта. Дело в другом. Осторожный князь не хотел оставлять никаких письменных свидетельств о том, в чем сам играл определенную роль. Но свидетельства остались, довольно веские.

Вяземские в дуэльной истории

К. К. Данзас вспоминал, что в 1835–1836 гг. Геккерн и Дантес «часто посещали дом Пушкина и дома Карамзиных и князя Вяземского, где Пушкины были как свои»⁵⁷. Переписка Карамзиных не оставляет сомнений: семейство историографа много видело, но мало понимало, что в действительности происходило у них перед глазами⁵⁸. Совсем другое дело Вяземские, особенно Вера Федоровна, которая стала confidentкой поэта, когда разыгралась дуэльная история. «С княгиней был откровеннее, чем с князем. Он прибежал к ней и рассказывал свое положение относительно Геккерна»⁵⁹. Тем более интересными должны быть воспоминания Вяземских об этом деле, записанные с их разрешения П. И. Бартевым. Эти записи интересны не тем, что рассказали Вяземские для всеобщего сведения, но тем, о чем они умолчали. Важно и то, в чем и чем именно хотели убедить супруги будущих читателей их воспоминаний. С этой точки зрения их никто никогда не анализировал.

Бартеву Вяземские изложили созданную ими в феврале 1837 г. легенду о гибели Пушкина⁶⁰, но с некоторыми добавлениями. Напомним основные черты этой легенды. Дантес ухаживал за Пушкиной. Получив анонимные письма, Пушкин вызвал на дуэль Дантеса; чтобы расстроить дуэль, Геккерн распустил слух, что Дантес добивался руки свояченицы Пушкина Екатерины Гончаро-

вой. Пушкин узнал об этом уже после того, как тетка невесты Е. И. Загряжская и Геккерн договорились о свадьбе, и взял назад свой вызов. Свадьба не разрядила напряжения, но лишь его усилила. Свет решил, что Дантес принес себя в жертву, чтобы спасти честь Наталии Николаевны. Реакция общества усугубила положение впечатлительного поэта. Дантес продолжал ухаживать за его женой. Сплетни возобновились. Пушкин, желая кровавой развязки, написал Геккерну оскорбительное письмо. Дантес вызвал Пушкина на дуэль.

Чтобы документально обосновать свою версию, Вяземский составил дуэльный сборник документов, которые как будто полностью подтверждали рассказанное Петром Андреевичем. Но был в сборнике документ, который не укладывался в прокрустово ложе созданной легенды, и поэтому князь оставил его без какого бы то ни было комментария. Это письмо Пушкина от 21 ноября некоему графу (в сборнике он назван Бенкендорфом)⁶¹. В этом письме поэт заявлял: он убедился, что составителем анонимных писем был Геккерн, и посему считал своим долгом известить об этом правительство и общество⁶². Разумеется, такой важный документ, да еще исходящий от самого Пушкина, требовал комментария. Это хорошо сознавал сам Вяземский. Излагая Бартеневу свою версию, он предпринял попытку вписать этот важный документ в созданную им легенду. Бартенева записал буквально следующее: «Свадьбу сыграли <...> Друзья Пушкина успокоились, воображая, что тревога прошла. После этого государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав ему знать наперед. Так как сношения Пушкина с государем происходили через графа Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное свое письмо на имя графа Бенкендорфа, собственно, назначенное для государя. Но письма этого Пушкин не решился послать, и оно найдено было у него в кармане сюртука, в котором он дрался»⁶³.

Здесь что ни слово, то намеренная, тщательно продуманная ложь. Письмо датировано 21 ноября 1836 г. Как это мог Пушкин перед поединком, т. е. в январе, написать письмо с ноябрьской датой, которое якобы было найдено у него в сюртуке после поединка? По словам Вяземского, Пушкин этим письмом через Бенкендорфа уведомлял Николая I, что «приступает к развязке», другими словами – сообщал о предстоящей дуэли. Но ничего подобного в письме нет. Из письма вовсе не явствует, что оно было адресовано шефу жандармов. Да и сама ситуация, когда царь берет слово с камер-юнкера, что тот, прежде чем драться, уведомит его об этом, т. е. как бы должен получить монаршую санкцию на дуэль, представляется, мягко говоря, нелепой. Зачем Вяземскому понадобилось сочинять эти небылицы? А ведь они сильно подрывают доверие ко всему, что он рассказывал, даже к тому, что мы не можем проверить сегодня. Очевидно, князь хотел скрыть не только подлинный ход развития дуэльной истории, но и свою осведомленность о них. На самом деле Вяземские знали о намерениях Пушкина, о которых другие даже не догадывались.

В ноябре 1836 г., когда Пушкин вызвал на дуэль Дантеса, Геккерну и Жуковскому удалось уладить дело таким образом: Дантес сделает предложение свояченице Пушкина Екатерине Гончаровой, Пушкин возьмет свой вызов назад⁶⁴. Эта комбинация могла осуществиться только при условии, что сам факт вызова останется в тайне. Для публики всё это будет выглядеть так, как, если бы Дантес по собственному желанию сделал предложение Гончаровой. Во время личной встречи с Геккерном 13 или 14 ноября в присутствии Е. А. Загряжской Пушкин дал обещание хранить дуэльную историю в тайне. В действительности поэт намеревался сделать Геккернов посмешищем. Он подготовил то самое письмо, которое Вяземский потом пытался представить как сообщение царю о предстоящем поединке. О своем плане дискредитации Дантеса и Геккерна Пушкин поведал прежде всего В. Ф. Вяземской. Он сказал ей: «Я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как будут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит человека в грязь; громкие подвиги Раевского⁶⁵ — детская игра перед тем, что я намерен сделать»⁶⁶.

Как видим, Вяземские знали о пушкинских планах дискредитации Геккернов — планах, в которых помолвка Дантеса и Екатерины Гончаровой должна была стать только первой ступенькой к грандиозному скандалу. (Не исключено, что текст пушкинского письма от 21 ноября 1836 г. стал известен Вяземским тогда же.) Именно это обстоятельство князь пытался скрыть, придумав байку о письме, найденном в кармане сюртука, в котором Пушкин стрелялся в январе (эта байка очень озадачила пушкинистов; подлинник письма был обнаружен Н. Я. Эйдельманом в бумагах секретаря А. Х. Бенкендорфа П. И. Миллера, в прошлом лицеиста, тайного поклонника Пушкина, участвовавшего в посмертном разборе бумаг поэта. Разбор этот производился на квартире Жуковского, и никакого пушкинского сюртука там, конечно же, не было)⁶⁷.

Нетрудно заметить, что во всех перипетиях дуэльной истории Вяземские почти нигде не фигурируют. Это обстоятельство должно показаться довольно странным, потому что Пушкин был членом их «семьи». 4 ноября 1836 г. княгиня Вера получила по городской почте в двойном конверте пасквиль, адресованный Пушкину⁶⁸. 6 ноября, когда Жуковский прибыл в Петербург, чтобы предотвратить дуэль, остаток дня после встречи с Пушкиным он провел у М. Ю. Виельгорского, который тоже получил пасквиль, и у П. А. Вяземского⁶⁹. Но мы не знаем ни о каких действиях князя, которые он предпринял бы, чтобы предотвратить поединок. Напротив, известно, что он уклонился от такой роли. Согласно записи Бартенева, Геккерн, встретив на Невском проспекте Вяземского, сообщил ему о любви Дантеса к Гончаровой и просил посредничать, чтобы предотвратить дуэль⁷⁰. Вяземский посредничать не стал. Совсем иначе повел себя В. А. Жуковский: он сделал всё, что от него зависело, чтобы катастрофы не произошло. Вяземский же палец о палец не ударил. Впрочем, видимо, и это не совсем так. Кажется, Вяземский внес свою лепту в столкновение

Пушкина и Дантеса. Пушкин в «открытом» письме от 21 ноября утверждал, что автором пасквиля был Геккерн. Александр Сергеевич заявлял, что «по виду бумаги, по стилю письма, по способу, которым оно было изложено», он понял, что оно исходило от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата. При этом Пушкин категорически заявил, что не может и не хочет представлять кому бы то ни было доказательств того, что он утверждал⁷¹. В своей версии дуэли Вяземский утверждал, что он, как и друзья Пушкина, так никогда и не узнал, на чем основывалось это предположение. Это неизвестно до сих пор⁷².

В архиве Вяземского сохранился один очень важный документ. Это запись наблюдений князя над почерком пасквиля. Вяземский проделал экспертизу анонимного письма и записал свои выводы. Он отметил, что письмо «писано в роде готических печатных букв» и проанализировал начертание литер. Обнаружив ошибку в правописании, Вяземский пришел к заключению, что это «даже не лакейская какая-нибудь безграмотность». Такая ошибка «не может быть сделана русским, но должна быть сделана иностранцем». По мнению князя, «бумага, должно быть, иностранная, глянцева»⁷³. Отсюда был только один шаг до заключения, что этим иностранцем являлся Геккерн: других иностранцев в кружке Карамзиных–Вяземских не было. Вывод Вяземского оказался неверен. В 1924 г. известный пушкинист Б. В. Томашевский проанализировал не написание букв, а всю систему письма и пришел к заключению, что иностранец не мог написать пасквиль, потому что начертание некоторых печатных латинских букв писавший, по своему неведению, воспроизвел по-русски⁷⁴.

Пушкин в своем обвинительном письме воспроизвел наблюдения князя относительно пасквиля. Не Вяземский ли навел Пушкина на мысль о том, что автором анонимных писем был Геккерн? Возникает подозрение, не хотел ли князь столкнуть лбами Дантеса и Пушкина? Ответа нет, но подозрение остается. Может появиться мысль: «А не Вяземский ли и подбросил пасквиль поэту?» Это был не он. Фамилия «Пушкин» по-французски может быть написана по-разному. В пасквиле она воспроизведена так: «Pouchkine»⁷⁵. Вяземский же употреблял совсем другое написание — «Pouschkine»⁷⁶.

Излагая дуэльную историю Бартеневу, Вяземские всячески подчеркивали то обстоятельство, что они во что бы то ни стало стремились разрядить ситуацию, сделать столкновение Дантеса и Пушкина невозможным. Согласно записи Бартенева, в 1836 г. дочь Вяземских Маша была невестой. Поэтому их дом посещало много гостей. Наталья Николаевна бывала очень часто. Как только она приезжала, являлся Дантес. Все знали, что Пушкина ему нравится. «Сберегая честь своего дома, княгиня мать... объявила нахалу французу, что она просит свои ухаживания за женой Пушкина производить в другом доме. Через некоторое время он опять приезжает вечером и не отходит от Наталии Николаевны. Княгиня сказала ему, что ей остается одно — приказать швейцару, коль скоро у подъезда их будет несколько карет», Дантеса не принимать. «После этого он прекратил свои посещения, и свидания его с Пушкиной происходили уже

у Карамзиных». Более того, княгиня Вера предупреждала Пушкину относительно ее обращения с Дантесом: «Я люблю Вас, как своих дочерей; подумайте, чем это может кончиться». — «Мне с ним весело. Он мне просто нравится, будет то же, что было два года сряду». В этой ситуации виноват был сам Пушкин. Он открыто ухаживал за другими женщинами. «Жена сначала страшно ревновала, а потом стала равнодушной и привыкла к неверностям мужа. Сама же она оставалась ему верна, и всё обходилось легко и ветрено». Вяземский «жил открыто и принимал к себе большое общество». Дантеса там снова стали принимать, так как после помолвки с Гончаровой причин отказывать ему от дома уже не было. Накануне поединка у Вяземских были и Пушкин, и Дантес. Пушкин волновался, присутствие Дантеса было для него невыносимым. Дело в том, что Геккерн, которому было «досадно», что его сын женился так невыгодно, стал «распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи». Незадолго перед вечером у Вяземских в Петербург приехали «девицы Осиповы». (Так здесь названы Е. Н. Вревская и А. Н. Вульф.) Они стали расспрашивать Пушкина, что значат ходившие по городу слухи и тем самым очень взволновали поэта. Княгиня Вера, после того как Дантес и Пушкин ушли, сказала мужу, «что им надобно на время закрыть свой дом, потому что нельзя отказать ни Пушкину, ни Геккерну»⁷⁷.

Вот эта настойчиво проводимая в беседах с Бартевым мысль, что Вяземские сделали всё, чтобы их салон не стал тем местом, где разворачивалась трагедия, крайне подозрительна. Нет свидетельств того, чтобы Вяземские отказывали Дантесу от дома. Напротив, он там постоянно присутствует. Дочь Вяземских Маша вышла замуж 22 мая 1836 г. и в осенние месяцы, когда ухаживания Дантеса за Пушкиной заставили заговорить свет, невестой не была и общество посещало салон Вяземских вовсе не потому, что дочь была на выданье. Не будь этой настойчивости, может, никому никогда бы и не пришло в голову выяснять, какую в действительности позицию занимали Вяземские в столкновении Пушкина и Дантеса. Знаменательная фраза о том, что Пушкин молчал, а никто из друзей его ничего не подозревал, звучит как саморазоблачение. Сама же княгиня Вера Федоровна опровергала — и не один раз — это заявление.

Вяземские рассказывали Бартеву, что не только Геккерн, но и «его соумышленники» распускали по городу порочащие Пушкина слухи. Среди муссирующих сплетни оказался и князь Петр. Переписка Карамзиных и дневник Тургенева зафиксировали несколько высказываний князя именно в таком духе. 17 ноября 1836 г. закончилась ноябрьская дуэльная история — помолвкой Дантеса и Екатерины Гончаровой. Вяземский, пожалуй, лучше всех других знает подноготную дуэльной истории, лучше Жуковского, который очень многого не знал, потому что Пушкин не был с ним откровенен. Вяземскому, напротив, были известны все нюансы взаимоотношений противников. В письме к великому князю Михаилу Павловичу он писал: «Было бы слишком долго излагать... все лукавые происки молодого Геккерна... приведу только один пример. Гек-

керны... возымели дерзкое и подлое намерение попросить госпожу Пушкину написать молодому человеку письмо, в котором она умоляла бы его не драться с мужем. Разумеется, она отвергла с негодованием это низкое предложение»⁷⁸. Никто не сообщает ничего подобного, даже Жуковский в своих конспективных заметках о дуэльной истории об этом молчит. Скандала, который Пушкин хотел устроить Геккернам, не произошло. И, кажется, князь Вяземский был разочарован. 21 ноября, в тот самый день, которым Пушкин пометил свое открытое письмо, к некому «графу», которого ученые приняли за А. Х. Бенкендорфа, С. Н. Карамзина сообщила брату «необыкновенную новость» — Дантес женится.

Софья Карамзина, эта перезревшая девица, страдавшая в ту осень «мозговым насморком», — далеко не самое удачное произведение историографа. Со страниц ее писем встает несимпатичный образ светской сплетницы. Кружась «до головокружения» в бесконечном вихре вальсов и мазурок, Софи всюду совала свой нос, но видела очень мало и была совершенно неспособна правильно понимать, что происходит у нее пред глазами. Она писала, что публика объясняет этот загадочный брак «очень просто». То есть Карамзина хочет сказать: все думают, что Дантес соблазнил Гончарову, теперь приходится жениться. Но Пушкин «добьется того, что возбудит подозрения и догадки». У него возбужденный вид, он обращается к каждому встречному с загадочными междометиями, с Дантесом ведет себя грубо, а в обществе избегает его. Далее следует самое интересное сообщение Софи: «Вяземский говорит, что Пушкин выглядит раздраженным от того, что Дантес больше не ухаживает за его женой»⁷⁹. Это не похоже на радость искреннего друга от того, что опасность миновала. Может быть, это просто неудачная шутка князя-острослова? Но это не обмолвка.

А. И. Тургенев записал в дневнике: «Пушкины. Вранье Вяз[емского] досадно»⁸⁰. Несколько лет спустя Вяземский напишет вдове Пушкиной о салоне Карамзиных: «Вы знаете, что в этом доме спешат разгласить на всех перекрестках не только то, что происходит и не происходит в самых сокровенных тайниках души и сердца. Интимные шутки предаются нескромной гласности, а, следовательно, пересуживаются сплетницами и их недоброжелателями... Все ваши так называемые друзья, с их советами, проектами и шутками — ваши самые жестокие и ярые враги»⁸¹. Нельзя отказать в четкости этой характеристики, но с одной существенной оговоркой: она в равной степени может быть отнесена и к салону самого Вяземского и его дочери Маши Валуевой. Недаром в 1843 г. Екатерина Геккерн, жена Дантеса, сходным образом отозвалась об этих салонах. Получив сведения, что Наталия Николаевна с сестрой Александринной часто посещает дома Вяземских и Карамзиных, она писала брату Дмитрию: «...я узнаю с сожалением, что более, чем когда-либо, они погрязли в обществе, которое Натали должна была бы упрекать во многих несчастьях (курсив мой. — М. С.) и которое и теперь не может быть чрезвычайно пагубным. Это не только мое мнение, но и мнение многих людей, искренне к ним

привязанных. Смерть тетушки Катерины (Загряжской. — М. С.) несчастье для них, потому что она отстраняла их, как только могла, от этого отвратительного общества Карамзиных, Вяземских и Валуевых, и она хорошо знала, почему»⁸². Известно, что Е. И. Загряжская не допустила Софью Карамзину сопровождать Екатерину Гончарову в церковь на венчание, а та сокрушалась, что ее лишили возможности «понаблюдать» за физиономиями действующих лиц⁸³. А вот о случаях, когда Загряжская оберегала Пушкиных от Вяземских, неизвестно.

А. И. Тургеневу было досадно слышать «вранье» Вяземского, и он был готов защитить от него Пушкиных как мог. 19 декабря 1836 г. Тургенев записал в дневнике: «Вечер у кн. Мещерской (Карам[зиной]). О Пушкине; все нападают на него за жену, я заступался»⁸⁴. Важное свидетельство, что нападали на Пушкина «все». 14 января на балу у французского посла А. де Баранта произошел какой-то неприятный эпизод. Тургенев записал: «Пушкина и сестры ее, сватовство...»⁸⁵ 26 февраля 1837 г., когда работала Комиссия военного суда, Дантес написал ее председателю полковнику А. И. Бреверну письмо, в котором коснулся эпизода на этом балу. Стараясь всячески очернить Пушкина, Дантес сообщил, что во время ужина «он воспользовался, когда я отошел, моментом, чтобы подойти к моей жене и предложил ей выпить за его здоровье. После отказа он повторил то же самое предложение. Ответ был тот же. Тогда он, разъяренный, удалился. Говоря ей: “Берегитесь, я вам принесу несчастье”»⁸⁶. Слова Пушкина Дантес вырвал из контекста и очень односторонне прокомментировал. Он хотел изобразить поэта безумным грубияном, навещающим страх на всех женщин. Поэтому дать оценку этому эпизоду довольно трудно. Несомненно, у французского посланника Пушкин выступил с какими-то угрозами в адрес Геккернов. На балу присутствовал и Вяземский. В этот день он написал свое первое письмо к графине Эмилии. На следующий день инцидент произошел уже у Вяземских на детском балу. 15 января А. И. Тургенев повторил буквально предшествующую запись: «Пушкина и сестры ее»⁸⁷. Если верить Дантесу, здесь тоже прозвучали угрозы Пушкина в адрес Геккернов: «Берегитесь, вы знаете, что я зол и что я кончаю всегда тем, что приношу несчастье, когда хочу»⁸⁸. Думается, что от князя не укрылось и это происшествие в его доме, раз уж его заметил и Тургенев.

19 января 1837 г. Тургенев записал: «У кн. Вязем[ского] о Пушкиных, Гончаровой, Дантесе-Геккерне»⁸⁹. То есть целый вечер у Вяземских мусолили эту тему. 21 января Тургенев встретился с О. д'Аршиаком, секундантом Дантеса во время ноябрьской дуэльной истории. Француз прочитал Тургеневу письмо Пушкина, в котором тот отказывается от своего вызова⁹⁰. 24 января Тургенева посетил Геккерн. Видимо, он по-своему осветил всё, что происходит. Тургенев сделал потрясающую запись в дневнике: «У кн. Мещерс[кой], едва взошел, как повздорил опять с кн. Вяземской. Вбалмошная! Разговор о Пушкиной»⁹¹. Из этой записи хорошо видно, кто нападал на Пушкиных, а кто защищал их. Княгиня Вера нападала.

После смерти поэта Вяземский готовил статью для какого-то французского журнала, в которой писал, что после свадьбы Дантеса «рана» Пушкина «несколько затихла, но малейший удар мог снова ее раскрыть в первое же мгновение и с новой силой вызвать кровотечение»⁹². Вяземский это понимал еще до трагедии. Когда он потом писал, что «Пушкина в гроб положили и зарезали жену его городские сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургских салонов»⁹³, князю следовало бы добавить, что салонам Вяземских и Карамзиных принадлежало далеко не последнее, а может быть, как раз первое место в этом деле.

24 января Вяземский получил первое письмо от графини Эмилии Муслиной-Пушкиной. Оно было благоприятно для князя. Недаром он отвечал: «Великий день, прекрасный день! Как я благодарен Вам, добрая и милая, графиня, за Ваше письмо...»⁹⁴ Кажется, кампания по дискредитации «красных» стала приносить плоды. Во всяком случае, красавица Эмилия не осталась глуха и не обиделась на княжьи эскапады против кавалергардов. Вероятно, надо сделать еще один шаг, чтобы удалить тех, кто мешает... Похоже, наступал момент, когда громкий общественный скандал или какая-нибудь «история», которая опорочила бы кавалергарда Дантеса, как нельзя кстати. А если бы вследствие этой истории самого модного кавалергарда удалили из столицы, чего же можно пожелать лучше?

В этот «великий день, прекрасный день» для князя — 24 января 1837 г., происходило вот что. «У Катрин, — писала Софи Карамзина, — было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны, которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества. Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя — это начинает становиться чем-то бóльшим обыкновенной безнравственности. Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не остаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу — по чувству. В общем, всё это очень странно, и дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных»⁹⁵.

Как заметила Анна Ахматова, в этом пассаже отчетливо ощущаются приметы «чужой речи»⁹⁶. Любопытная Софи впервые сообщает о том, что Пушкин серьезно влюблен в свою свояченицу Александрину и ревнует ее к Дантесу «по чувству». Проведя с Пушкиным столько времени, ничего подобного она не заметила. Когда С. Н. Карамзина саркастически описывала ревнивого Пушкина («кривляния ярости и поэтического гнева», «мрачный, как ночь, нахмуренный как Юпитер во гневе»), ей было «ужасно смешно»⁹⁷. Но ей даже в голову не могло прийти, что Пушкин «принимает свое привычное выражение тигра»⁹⁸ или «скрежещет зубами»⁹⁹ из-за Александрины. Если бы у нее возникло хоть малейшее подозрение на это счет, едва ли бы она упустила бы случай

позлословить на такую благодатную тему, а изобрести такое самой у нее не хватало ума. Другое дело Вяземский. Ведь очевидно, что сплетница Софи пересказывает дядюшкины слова. Письмо ее чрезвычайно ценно для нас. Что бы в действительности ни происходило в семье Пушкиных, письмо С. Карамзиной зафиксировало прежде всего то, что и когда рассказывал об этом «дядюшка Вяземский». А говорил он, что в семье Пушкиных творится нечто большее обыкновенной безнравственности, поэтому он «закрывает лицо» и отвращает его от этой порочной семьи. Можно пожалеть о том, что Вяземский действительно этого не сделал: наверно, было бы лучше для Пушкиных. Среди светских сплетен, циркулирующих по столичным салонам в январе 1837 г., утверждение Вяземского о том, что Пушкин ревнует Александрину к Дантесу, в своем роде уникально и знаменательно. Даже враги Пушкина тогда не утверждали ничего подобного.

Для того, кто хотел столкнуть Дантеса и Пушкина, недостаточно было кричать на всех углах о том, что кавалергард волочится за женой поэта: это и так все видели. Необходимо было найти нечто особенное, «нечто большее обыкновенной безнравственности». Пушкин ревнует свояченицу Александрину к Дантесу — вот основа конфликта и суть интриги. Вот о чем надо говорить, вот какую тему надо развивать тому, кто хочет скандала. Вяземский говорил, а Софи разносила. Князь Вяземский отлично знал, что еще в ноябре Пушкин собирался устроить скандал Геккернам. 14 и 15 января 1837 г. он повторил свои угрозы. Пушкин давно готовил письмо к Геккерну. Сохранились клочки первоначального варианта этого рокового письма. Пушкин писал: «Быть может, вы желаете знать, что помешало мне до сих пор обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, так я скажу вам это»¹⁰⁰. В другом варианте читаем: «Я хочу, чтобы вы дали себе труд самому найти основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня не плюнуть вам в лицо и чтобы уничтожить самый след этого подлого дела».

Что это за основания? Что должен сделать Геккерн, чтобы избежать скандала? Ответ дает текст письма, отосланного Геккерну 26 января 1837 г.: «Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы были какие бы то ни было отношения между моей и вашей семьями. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему имел и возможность и намерение»¹⁰¹. Основное требование Пушкина — никаких сношений между семьями. Письмо к Геккерну кончалось угрозой: если эти «происки не прекратятся», т. е. общение семей продолжится, Пушкин устроит «новый скандал», перед которым он на этот раз не отступит¹⁰².

25 января 1837 г. у Вяземских снова встретились Дантес с женой, Пушкин с женой и свояченицей Александриной. Вяземского действительно в тот день не было дома. Он находился на балу у Мятлевых. Мы не знаем, что произошло в салоне княгини Веры. Но произошло что-то такое, после чего Пушкин потре-

бовал, чтобы никаких сношений между семьями больше не было. Нет сомнения, что рассказ о том, как Пушкин признался, что он-де отправил уже письмо Геккерну — позднейшая выдумка Вяземских. Но разговор о том, что поэт собирается пригрозить Геккернам скандалом, несомненно, был. Стоит ли удивляться тому, что князь ничего не сделал, чтобы его предотвратить?

Вяземский не был классическим злодеем, таким, как шекспировский Яго, например. Не думал он ставить Пушкина под пулю. Ведь это еще одна ложь легенды, созданной Вяземским, что Пушкин во что бы то ни стало искал кровавой развязки¹⁰³. «Анонимные письма... лежали горячей отравой на сердце Пушкина. Ему нужно было выбросить этот яд с своей кровью, или с кровью того, который был причиной или предлогом нанесенного Пушкину оскорбления»¹⁰⁴. Если бы Пушкин действительно жаждал кровавой развязки, он бы вызвал Дантеса или Геккерна на дуэль. В письме к Геккерну содержится достаточно обвинений против обоих, чтобы на этом основании потребовать выхода к барьеру. Но Пушкин не сделал этого. Он дал понять дипломату, какие обвинения обрушатся на него и Дантеса, если они не выполнят его требования. Пушкин угрожал скандалом. Стал бы против этого скандала возражать Вяземский? Конечно, нет. Но Геккерны, для которых публичный скандал означал крах их карьеры, решили сами вызвать Пушкина на дуэль. Вот такого исхода Вяземский не мог ожидать.

В тот день, когда Пушкин написал свое убийственное письмо Геккерну, Вяземский отправил в Москву послание А. Я. Булгакову. «Я был счастлив, когда узнал, что Эмилия, милая из милых, как назвал ее Жуковский (это лучшее его произведение), наконец, благополучно прибыла в Москву... сделай одолжение, свези несколько сенаторов в красных мундирах в день ее рождения 29 января. Прекрасная очень любит прекрасное. А шутки в сторону, пошли ей от неизвестного в день рождения... блюдо вареных раков». В день рождения прекрасной Эмилии Пушкина не стало.

1 февраля 1837 г. Пушкина отпевали в Конюшенной церкви. Когда стали выносить гроб, процессия «на минуту замедлилась: на пути лежал кто-то большого роста. В рыданиях. Его попросили встать и посторониться. Это был князь Вяземский»¹⁰⁵.

Вяземский сообщил Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной о смерти Пушкина только 16 февраля. Осторожный князь дождался того момента, когда стало возможным обличать Дантеса, а заодно с ним и всех красных кавалергардов, причем уже не рискуя. Именно здесь Вяземский говорит больше всего добрых слов о Пушкине и суровее всего осуждает Дантеса.

Было бы ошибкой считать, что всё написанное здесь о поэте есть сокровенное выражение задушевных мыслей князя. К сожалению, это не так. Логика Вяземского такова: чем беспорочнее поведение Пушкина, тем отвратительней выглядит Дантес и его «красные» сотоварищи. Письмо интересно и тем, что оно красноречиво свидетельствует: Эмилия симпатизировала Дантесу, а Вяземский видел в нем своего соперника. Сообщив о смерти Пушкина, Вяземский

писал: «Мои насмешки над красными принесли несчастье. Какое грустное и отвратительное происшествие. Пушкин и жена его попали в гнусную западню, их погубили. На этом красном столько же черных пятен, сколько и крови, надеюсь, Вы от него отреклись. Когда-нибудь я расскажу Вам подробно всю эту мерзость. Я должен признаться Вам, хотя это может привести к тому, что мы поссоримся, все ваши красные протеже и ваше красное море в этом происшествии покрыло себя стыдом. У них хватило бесстыдства превратить это событие в дело партии, в дело чести полка. Они оклеветали Пушкина и его память, и его жену, чтобы защитить того, кто вначале убил его нравственно, а затем превратился в убийцу настоящего. Я готов признать, что друзья убийцы могли бы считать его виновным не настолько, потому что им двигали адские козни его отца, но какое честное сердце, какой русский мог бы колебаться, выбирая между двумя этими людьми, и не стать всецело на сторону Пушкина и не увидеть в нем только жертву, увы! Великую и прекрасную. Я содрогаюсь при одной мысли, что в силу предубеждения или из-за упрямства вы, быть может, думаете обо всем этом не так, как я. О, нет... Вы должны довериться мне. Не зная фактов и доказательств, на которые я опираюсь, Вы должны принять мое убеждение. Я оплакиваю в Пушкине друга... но будь в этом роковом деле правда не на его стороне, я признался бы в этом. Во всем его поведении было одно благородство, великодушие, деликатность. Если бы на другой стороне было бы чувство страсти или даже просто честное ухаживание, оплакивая Пушкина, я не осудил бы его противника. В этом отношении я не такой ригорист. Каждому греху милосердие, но не всякой низости»¹⁰⁶.

Кто же этот «красный», на котором «столько же черных пятен, сколько и крови»? Конечно, это Жорж Дантес. Писатель Семен Ласкин путем комбинаций с текстом пытался убедить нас в том, что это — кавалергард Александр Трубецкой¹⁰⁷. Ему это не удалось. Здравомыслящий человек не может сомневаться: тот, кто сначала убил Пушкина нравственно, а потом стал его и настоящим убийцей — это Жорж Дантес. Разве только какой-нибудь невежда может поверить, что Пушкина застрелил Трубецкой. Именно от Дантеса должна теперь отречься Мусина-Пушкина. Автор письма на это, по крайней мере, надеется.

Остается повторить за князем Вяземским: «Каждому греху милосердие. Но не всякой низости»¹⁰⁸. Не имеем ли мы теперь оснований сказать, что кровь Пушкина и на семействе Вяземских?

- ¹ По свидетельству нидерландского посланника, он получил письмо, собираясь «на обед к графу Строганову» (Я. Б. Геккерн — Ж. Ж. Верстолку ванн Сулену 30 января / 11 февраля 1837 г. // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999. (далее — Щеголев). С. 300). В пушкинское время обедали около шести часов вечера.
- ² Jacob Derk Anne Borchard van Heeckeren-Beverweered (*Vitale S. Le baton de Pouchkine. Paris, 1995. P. 464; Витале С.* Пуговица Пушкина. Калининград, 2001. С. 25).
- ³ Записка доктора Шольца // Щеголев. С. 185.
- ⁴ Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину в первоначальной редакции // Щеголев. С. 165.
- ⁵ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. // Русский архив (далее — РА). 1900. № 3. С. 391.
- ⁶ Современник. 1837. Т. VII. С. 52.
- ⁷ *Бельчиков Н. Ф.* Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина // Новый мир. 1931. № 12. С. 189–193.
- ⁸ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. (Записано в разное время с позволения обоих) // РА. 1888. № 7. С. 305–312.
- ⁹ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1985. С. 183.
- ¹⁰ Там же. С. 182.
- ¹¹ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. С. 395.
- ¹² Современник. 1837. Т. VII. С. 52; С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 30 января 1837 г. // Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных. 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 167.
- ¹³ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 180.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Бельчиков Н. Ф.* Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 189.
- ¹⁶ То есть Пушкин с женой и свояченицей Александриной, Дантес с женой Екатериной.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Дуэль Пушкина с Дантесом: Подлинное военно-судное дело. 1837. СПб., 1900. С. 43.
- ¹⁹ Там же. С. 51–52, 56–57.
- ²⁰ Там же. С. 52.
- ²¹ Там же. С. 51–52.
- ²² *Казанцев Б. В.* Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 246–248; *Измайлов Н. В.* Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 46.
- ²³ Дуэль Пушкина с Дантесом. С. 63.
- ²⁴ А. И. Тургенев — А. И. Нефедевой 28 января 1837 г // Пушкин и его современники. Вып. VI. СПб., 1908. С. 48–49.
- ²⁵ Я. Б. Геккерн — Ж. Ж. Верстолку ванн Сулену 30 января / 11 февраля 1837 г. // Щеголев. С. 300.
- ²⁶ *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). Л., 1989. С. 303–305.
- ²⁷ А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной 18 мая 1834 г. // Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 57.
- ²⁸ *Соколов Н. М.* Об учреждении городской почты в Санкт-Петербурге // Почтово-телеграфный журнал. Неофициальный отдел. 1984. Апрель. С. 471–490.
- ²⁹ *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. С. 273.
- ³⁰ *Алмосов А. Н.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1863. С. 27.
- ³¹ Письмо В. А. Жуковского к графу А. Х. Бенкендорфу (февраль–март 1837 года) // Щеголев. С. 227.
- ³² *Бельчиков Н. Ф.* Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 189.
- ³³ *Пушкин А. С.* Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 354–356; *Левкович Я. Л.* Дуэль и смерть Пушкина в конспективных заметках Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 466, 469.

- ³⁴ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 30 января 1837 г. // Пушкин в письмах Карамзиных. С. 167, 248.
- ³⁵ *Казанцев Б. В.* Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. С. 243–246.
- ³⁶ Александр Сергеевич Пушкин по документам Остафьевского архива // Собрание сочинений князя П. П. Вяземского. 1876–1887. СПб., 1893. С. 556.
- ³⁷ Новые материалы о смерти Пушкина. Пг., 1924. С. 80–81.
- ³⁸ П. А. Вяземский — Д. В. Давыдову 9 февраля 1837 г. // РА. 1879. № 6. С. 248.
- ³⁹ Щеголев. С. 241.
- ⁴⁰ Письмо князя П. А. Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев. С. 246.
- ⁴¹ Щеголев. С. 241.
- ⁴² *Бельчиков Н. Ф.* Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 189.
- ⁴³ Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. III. М., 1892. С. 124–125.
- ⁴⁴ *Бельчиков Н. Ф.* Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 189.
- ⁴⁵ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 178–179.
- ⁴⁶ А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной 21 октября 1833 г // Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 47.
- ⁴⁷ *Пушкин А. С.* Дневник 1833–1835 // Пушкин А. С. Дневники: Автобиографическая проза. М., 1989. С. 56.
- ⁴⁸ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 184.
- ⁴⁹ В. В. и В. А. Нащокины // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 223.
- ⁵⁰ *Бельчиков Н. Ф.* Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 191.
- ⁵¹ Цит. по: *Ободовская И. М., Демьянтьев М. А.* После смерти Пушкина. М., 1980. С. 118–120.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 257.
- ⁵⁴ А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову 7 декабря 1836 г. // Московский пушкинист. Вып. I. М., 1927. С. 33.
- ⁵⁵ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 24 января 1837 г. // Ласкин С. Вокруг дуэли. СПб., 1993. С. 146.
- ⁵⁶ *Ободовская И. М., Демьянтьев М. А.* Вокруг Пушкина. М., 1980. С. 118; *Аммосов А. Н.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. С. 8.
- ⁵⁷ Ср.: *Измайлов Н. В.* Пушкин и семейство Карамзиных // Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 11–48.
- ⁵⁸ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 181.
- ⁵⁹ *Сафонов М. М.* Смерть поэта — жизнь легенды // Смена. 1997. 24, 31 октября.
- ⁶⁰ Щеголев. С. 241.
- ⁶¹ А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу 21 ноября 1836 г. // Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 166–167.
- ⁶² Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 179.
- ⁶³ *Сафонов М. М.* Смерть поэта — жизнь легенды.
- ⁶⁴ В. А. Жуковский — А. С. Пушкину 16 ноября 1836 г // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XVI. М.; Л., 1949. С. 186.
- ⁶⁵ Н. А. Раевский устроил публичный скандал своей любовнице Е. К. Воронцовой.
- ⁶⁶ *Эйдельман Н. Я.* Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера // Записки отдела рукописей. Гос. библиотека им. В. И. Ленина. 1972. Вып. 33. С. 310–313.
- ⁶⁷ Письмо князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев. С. 242.
- ⁶⁸ Конспективные заметки В. А. Жуковского о дуэли Пушкина // Щеголев. С. 285.
- ⁶⁹ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 181.
- ⁷⁰ А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу 21 ноября 1836 г. С. 166–167.
- ⁷¹ Письмо князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев. С. 243.

- ⁷² Бельчиков Н. Ф. П. А. Вяземский об авторе анонимного диплома на Пушкина // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л., 1959. С. 119–129.
- ⁷³ Томашевский Б. Л. Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина? // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924. С. 25–27.
- ⁷⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XVI. С. 394.
- ⁷⁵ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. С. 391–393.
- ⁷⁶ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 179–180.
- ⁷⁷ Письмо князя П. А. Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев. С. 244.
- ⁷⁸ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 20–21 ноября 1836 г. // Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 139.
- ⁷⁹ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 257.
- ⁸⁰ П. А. Вяземский — Н. Н. Пушкиной 13 декабря 1842 г. // Ободовская И. М., Деменьтьев М. А. После смерти Пушкина. С. 116.
- ⁸¹ Е. Геккерн — Д. Н. Гончарову 5 января 1843 г. // Там же. С. 315.
- ⁸² С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 9 января 1837 г. // Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 153.
- ⁸³ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 261.
- ⁸⁴ Там же. С. 268.
- ⁸⁵ Ж. Геккерн — А. И. Бреверну 26 февраля 1837 года // Щеголев. С. 292.
- ⁸⁶ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 261.
- ⁸⁷ Ж. Геккерн — А. И. Бреверну 26 февраля 1837 года // Щеголев. С. 292.
- ⁸⁸ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 269.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же. С. 279. С. Л. Абрамович поместила в своей книге неверное прочтение этого фрагмента: «К кн[ягине] Мещерской. Едва взошел, как повздорил опять с кн[ягиней] Вяземской. Взаблмошная! *Разговор с Пушкиной*» (курсив мой. — М. С.) (Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. С. 260). Получается, что А. И. Тургенев разговаривал у Мещерских не «о Пушкиной», а с ней самой.
- ⁹¹ Статья Вяземского на французском языке о дуэли Пушкина // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. С. 107–108.
- ⁹² П. А. Вяземский — А. Я. Булгакову 5 февраля 1837 г. С. 246.
- ⁹³ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 24 января 1837 г. С. 146.
- ⁹⁴ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 27 января 1837 г. // Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 165.
- ⁹⁵ Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 119.
- ⁹⁶ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 29 декабря 1836 г. // Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 148.
- ⁹⁷ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 27 января 1837 г. // Там же. С. 165.
- ⁹⁸ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 29 декабря 1836 г. // Там же. С. 148.
- ⁹⁹ А. С. Пушкин — Я. Геккерну (первый перебеленный текст) б/д // Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 202.
- ¹⁰⁰ А. С. Пушкин — Я. Геккерну (реконструированный текст) 17–21 ноября 1836 г. // Там же. С. 165.
- ¹⁰¹ А. С. Пушкин — Я. Геккерну 26 января 1837 г. // Там же. С. 184.
- ¹⁰² См. подробно: Сафонов М. М. «Ссора на лестнице» или еще одна легенда о гибели Пушкина // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 28.
- ¹⁰³ П. А. Вяземский — Д. В. Давыдову 9 февраля 1837 г. // РА. 1979. № 6. С. 2.
- ¹⁰⁴ П. А. Вяземский — А. Я. Булгакову 26 января 1837 г. // Там же. С. 243.
- ¹⁰⁵ Из письма князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу по поводу кончины Пушкина // РА. 1879. № 3. С. 397.
- ¹⁰⁶ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. С. 395–398; Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). С. 90.

¹⁰⁷ Ласкин С. Вокруг дуэли. С. 173–174.

¹⁰⁸ Едва ли покажутся теперь удивительными неодобительные отзывы П. А. Вяземского о Пушкине, высказанные после смерти поэта не для широкой публики. Согласно свидетельству Я. К. Грота в конце 1840 г., Вяземский «откровенно говорил со мной о Пушкине-покойнике. Отдавая всю справедливость его уму и таланту, он находит, что ни первая молодость его, ни его жизнь вообще не представляют того, что бы внушало к нему истинное уважение и участие» (Я. К. Грот — П. А. Плетневу б/д // Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, Т. 2. СПб., 1896. С. 129). Не выглядит случайным и то, что в 1872 г. из-под пера П. А. Вяземского вышла и следующая оценка гибели Пушкина. В «Статье о Лермонтове» Петр Андреевич написал: «Дантес был виноват перед Пушкиным, как и многие виноваты перед многими во всех слоях общества, как и сам Пушкин был не раз виноват: то есть Дантес волочился за замужней женщиной. Участвовал ли он в подметных письмах, это осталось неизвестным, да и всего вероятнее, что не участвовал, потому что никакой пользы в этом иметь не мог. Известное же письмо Пушкина к Геккерну, исполненное самых невыносимых ругательств для Дантеса, таково, что будь Дантес и не француз, а русский, сто раз русский и прямой потомок Гостомысла, то всё же по обычаям, существовавшим в обществе, он не мог не вызвать Пушкина. Остальное же последствия вызова и поединка, уже дело случая и входят в разряд обыкновенных явлений этого рода. Сказано, что Пушкин искал смерти: вовсе нет, он и смертельно раненный искал смерти Дантеса... Стало быть, и в этом отношении никакого особенного святотатства со стороны Дантеса не было. В первую минуту, в пылу первых впечатлений и горяча Лермонтов мог дать смерти Пушкина некоторое политическое общественное значение: и к тому же он сам был молод и можно было тогда простить ему его поэтическую заносчивость. Но теперь снова поднимать шум по этому делу, ничто иное, как ребячество и патриотическое пустословие» (*Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992. С. 25; РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1094а. Л. 4 — 4 об.*). Трудно поверить, что речь может идти только о «непонимании Пушкина» (*Ивинский Д. П. Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994. С. 136–138*).

References

A. S. Pushkin in *vospominaniyah sovremennikov*. [Pushkin in the memoirs of contemporaries. In Russ.]. Т. 2. Moscow; Leningrad, 1985.

ABRAMOVICH S. L. *Pushkin v 1836 godu. (Predystoriya posledney dueli)*. [Pushkin in 1836. (Background of the last duel). In Russ.]. Leningrad, 1989.

АНМАТОВА А. *Sochineniya v dveh tomah*. [Works in two volumes. In Russ.]. Т. 2. Moscow, 1990.

AMMOSOV A. N. *Poslednie dni zhizni i konchina Alexandra Sergeevicha Pushkina*. [The last days of life and death of Alexander Pushkin. In Russ.]. St. Petersburg, 1863.

BELCHIKOV N. F. *Neizvestnoe pismo V. F. Vyazemskoy o smerti A. S. Pushkina*. [Unknown letter of V. F. Vyazemskaya about the death of A. S. Pushkin. In Russ.] // *Novyy mir*. 1931. N 12. S. 189–193.

BELCHIKOV N. F. *P. A. Vyazemskiy ob avtore anonimnogo diplomata na Pushkina*. [Vyazemsky about the author of the anonymous diploma on Pushkin. In Russ.] // *Iz istorii russkikh literaturnykh otnosheniy XVIII–XX vekov*. Moscow; Leningrad, 1959. S. 119–129.

Duel Pushkina s Dantesom: Podlinnoe voenno-sudnoe delo. 1837. [Pushkin's duel with Dantes: Genuine military-trial case. 1837. In Russ.]. St. Petersburg, 1900.

EYDELMAN N. Ya. *Desyat avtografov Pushkina iz arhiva P. I. Millera*. [Ten autographs of Pushkin from the archive of P. I. Miller. In Russ.] // *Zapiski otdela rukopisey. Gos. Biblioteka im. V. I. Lenina*. 1972. Vyp. 33. S. 310–313.

IVINSKIY D. P. *Knyaz P. A. Vyazemskiy i A. S. Pushkin*. [Prince P. A. Vyazemsky and A. S. Pushkin. In Russ.] Moscow, 1994.

IZMAYLOV N. V. *Pushkin v pismakh Karamzinykh 1836–1837 godov*. [Pushkin in letters of the Karamzin 1836–1837 years. In Russ.] Moscow; Leningrad, 1960.

- KAZANCEV B. V. *Novye materialy o dueli i smerti Pushkina*. [New materials about the duel and Pushkin's death. In Russ.] // *Vremennik Pushkinskoy komissii*. T. 1. Moscow; Leningrad, 1936. S. 246–248.
- LASKIN S. *Vokrug dueli*. [Around the duel. In Russ.]. St. Petersburg, 1993.
- LEVKOVICH YA. L. *Duel i smert Pushkina v konspektivnykh zametkakh Zhukovskogo*. [Duel and Pushkin's death in Zhukovsky's prospective notes. In Russ.] // *Zhukovskiy i russkaya kultura*. Leningrad, 1987. S. 466–469.
- Moskovskiy pushkinist*. [Moscow Pushkin scholar. In Russ.]. Vyp. I. Moscow, 1927.
- OBODOVSKAYA I. M., DEMENTEV M. A. *Posle smerti Pushkina*. [After Pushkin's death. In Russ.]. Moscow, 1980.
- OBODOVSKAYA I. M., DEMENTEV M. A. *Vokrug Pushkina*. [Around Pushkin. In Russ.]. Moscow, 1980.
- Perepiska Ya. K. Grot s P. A. Pletnevym*. [Correspondence of Y. K. Grot with P. A. Pletnev. In Russ.]. T. 2. St. Petersburg, 1896.
- PUSHKIN A. S. *Dnevnik: Avtobiograficheskaya proza*. [Diaries: Autobiographical prose. In Russ.]. Moscow, 1989.
- PUSHKIN A. S. *Pis'ma k zhene*. [Letters to his wife. In Russ.] Leningrad, 1986.
- PUSHKINA S. *Pisma poslednih let. 1834–1837*. [Letters of recent years. 1834–1837. In Russ.]. Leningrad, 1986.
- Pushkin i ego sovremenniki*. [Pushkin and his contemporaries. In Russ.]. Vyp. VI. St. Petersburg, 1908.
- SAFONOV M. M. “*Ssora na lestnice*” ili eshhe odna legenda o gibeli Pushkina. [“Quarrel on the stairs” or another legend about the death of Pushkin. In Russ.] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2015. N 3. S. 22–29.
- SAFONOV M. M. *Smert poeta — zhizn legendy*. [The death of the poet — life of a legend. In Russ.] // *Smena*. 1997. 24, 31 oktyabrya.
- SHHEGOLEV P. E. *Duel i smert Pushkina. S prilozheniem novykh materialov iz niderlandskih arhivov*. [Duel and Pushkin's death. With the application of new materials from the Netherlands archives. In Russ.]. St. Petersburg, 1999.
- Sobranie sochineniy knyazya P. P. Vyazemskogo*. [The collected works of Prince P. P. Vyazemsky. In Russ.]. 1876–1887. St. Petersburg, 1893.
- SOKOLOV N. M. *Ob uchrezhdenii gorodskoy pochty v Sankt-Peterburge*. [On the establishment of city mail in St. Petersburg. In Russ.] // *Pochtovo-telegrafnyj zhurnal. Neoficialnyj otdel*. 1984. April. S. 471–490.
- Statya Vyazemskogo na francuzskom yazyke o dueli Pushkina*. [Article by Vyazemskiy in French language about the duel of Pushkin. In Russ.] // *Novye materialy o dueli i smerti Pushkina*. Petrograd, 1924. S. 107–108.
- TOMASHEVSKIY B. L. *Kto byl avtorom anonimnykh paskviley na Pushkina?* [Who was the author of anonymous libels on Pushkin? In Russ.] // *Novye materialy o dueli i smerti Pushkina*. Petrograd, 1924. S. 25–27.
- VITALE S. *Le baton de Pouchkine*. Paris, 1995.
- VITALE S. *Pugovica Pushkina*. [Pushkin's Button. In Russ.]. Kaliningrad, 2001.
- VYAZEMSKIY P. A. *Zapisnye knizhki*. [Notebooks. In Russ.]. Moscow, 1992.
- Zapiski F. F. Vigelya*. [Notes by F. F. Vigel. In Russ.]. Ch. III. Moscow, 1892.

Список литературы

- А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Л., 1985.
- Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). Л., 1989.
- Алмосов А. Н. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1863.
- Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Бельчиков Н. Ф. Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина // *Новый мир*. 1931. № 12. С. 189–193.
- Бельчиков Н. Ф. П. А. Вяземский об авторе анонимного диплома на Пушкина // *Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков*. М.; Л., 1959. С. 119–129.
- Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001.
- Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992.
- Дуэль Пушкина с Дантесом: Подлинное военно-судное дело. 1837. СПб., 1900.
- Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. III. М., 1892.
- Ивинский Д. П. Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994.
- Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960.

- Казанцев Б. В. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 246–248.
- Ласкин С. Вокруг дуэли. СПб., 1993.
- Левкович Я. Л. Дуэль и смерть Пушкина в конспективных заметках Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 466–469.
- Московский пушкинист. Вып. I. М., 1927.
- Ободовская И. М., Деменьтьев М. А. Вокруг Пушкина. М., 1980.
- Ободовская И. М., Деменьтьев М. А. После смерти Пушкина. М., 1980.
- Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896.
- Пушкин А. С. Дневники: Автобиографическая проза. М., 1989.
- Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969.
- Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XVI. М.; Л., 1949.
- Пушкин и его современники. Вып. VI. СПб., 1908.
- Сафонов М. М. Смерть поэта — жизнь легенды // Смена. 1997. 24, 31 октября.
- Сафонов М. М. «Ссора на лестнице» или еще одна легенда о гибели Пушкина // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 22–29.
- Собрание сочинений князя П. П. Вяземского. 1876–1887. СПб., 1893.
- Соколов Н. М. Об учреждении городской почты в Санкт-Петербурге // Почтово-телеграфный журнал. Неофициальный отдел. 1984. Апрель. С. 471–490.
- Статья Вяземского на французском языке о дуэли Пушкина // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. С. 107–108.
- Томашевский Б. Л. Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина? // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924. С. 25–27.
- Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999.
- Эйдельман Н. Я. Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера // Записки отдела рукописей. Гос. Библиотека им. В. И. Ленина. 1972. Вып. 33. С. 310–313.
- Vitale S. Le baton de Pouchkine. Paris, 1995.

М. М. Сафонов. Кровь Пушкина и на семействе Вяземских?

Князь П. А. Вяземский создал и оформил официальную версию гибели А. С. Пушкина. Принято считать его близким другом и единомышленником поэта. Вяземский пытался убедить всех, что друзья Пушкина старались, но не смогли его спасти. Однако сегодня есть основания усомниться в этом. Правильнее было бы сказать, не только смогли, но скорее не стали спасать или даже провоцировали трагический исход. Автор статьи проанализировал все ныне известные, разновременные и разноплановые высказывания Петра Андреевича и его жены Веры Федоровны об обстоятельствах, предшествующих дуэли, и пришел к заключению: Вяземские во чтобы то ни стало пытались скрыть важнейший факт — что инцидент, послуживший толчком к последнему столкновению Пушкина и Дантеса, имел место в доме Вяземских накануне вызова. Князь же Петр даже не пытался предотвратить дуэль. Он был заинтересован в скандале, вследствие которого кавалергард был бы вынужден покинуть Петербург. Вяземский тщетно добивался расположения Э. К. Мусиной-Пушкиной, а она восхищалась кавалергардами и питала симпатию к Дантесу. Существуют данные, позволяющие предполагать, что именно П. А. Вяземский навел Пушкина на мысль о Геккерне как авторе пасквиля, подброшенного поэту.

Ключевые слова: П. А. Вяземский, В. Ф. Вяземская, А. С. Пушкин, Э. К. Мусина-Пушкина, Ж. Дантес, Я. Геккерн, Карамзины, пасквиль, дуэль.

M. M. Safonov. Is any blood of Pushkin on the Vyazemsky family?

Prince P. A. Vyazemsky created and issued an official version of the death of Alexander Pushkin. The Prince is considered to be close friend and like-minded of the poet. Vyazemsky tried to convince everyone that Pushkin's friends tried, but could not save Pushkin. However, today there is reason to doubt this. It would be more correct to tell, not only could, but rather didn't begin to rescue or even provoked a tragic outcome. The

author of the article analyzed all the now known, multi-temporal and diverse statements of Pyotr Andreevich and his wife Vera Fyodorovna about the circumstances preceding the duel, and came to the conclusion: Vyazemsky, at all costs tried to hide the most important fact that the incident that triggered the last clash of Pushkin and d'Anthès took place in Vyazemskys' house on the eve of the challenge to a duel. Prince Peter did not even try to prevent the duel. He was interested in a scandal as a result of which the Imperial guard would be forced to leave Petersburg. Vyazemskiy vainly sought favor E. K. Musina-Pushkin, and she admired the cavalry and had sympathy for d'Anthès. There is evidence to suggest that P. A. Vyazemsky Pushkin brought the idea of Heeckeren as the author of the libel, planted by the poet.

Key words: P. A. Vyazemsky, V. F. Vyazemsky, A. S. Pushkin, E. K. Musina-Pushkina, G. d'Anthès, J. Heeckeren, Karamzins, the libel, the duel.

Сафонов, Михаил Михайлович — к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Safonov, Mikhail Mikhailovich — PhD, senior researcher, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: m.safonov@list.ru